

JEZYKOZNAWSTWO

LUCIA VIERIKOVÁ

Липкая инфляция, или языковая игра на материале словацких и российских экономических текстов

Sticky inflation, or language play in Slovak and Russian economic texts

Abstract. In modern linguistics, the understanding of language game refers to the field of speech communication, and the language games themselves are seen as a decoration of speech. Language gaming is multifarious. In this article we will focus on some forms of this phenomenon, manifested in the variation of words, their forms and meanings in Russian and Slovak economic media texts. In modern economic media texts, textual “expressivization” is observed, which is realized primarily with the help of the language games. Its evaluative function comes to the forefront – evaluativity is an integral category of media language. In our article we will focus on examples of language games in Slovak and Russian economic texts, which, in our opinion, contain this evaluation. Language gaming is a misuse of words or letters, a breach of logical correspondence, but, very importantly, it is an incorrectness that is realized by the author and deliberately allowed. Only a deliberate incorrectness will cause not annoyance and bewilderment, but a desire to support the game and try to uncover the author’s underlying intention.

Keywords: language game, evaluation, economic text, Slovak language, Russian language

Lucia Vieriková, Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra – Slovak Republic, lvierikova@ukf.sk, <https://orcid.org/0000-0003-1242-2430>

Введение

В предлагаемой статье рассматривается вопрос скрытого выражения авторской позиции посредством лексических приемов языковой игры. Материалом для исследования стали тексты словацкого журнала „Тренд” и российского журнала „Коммерсантъ Деньги”, опубликованные на официальных сайтах этих изданий в период с августа 2022 г. по июль 2023 г. Анализиру-

ются не только заглавия, но и особенности языковой игры в самих текстах, которые были отобраны с помощью метода сплошной выборки. Таким образом, анализу и интерпретации подверглись 134 словацких и 112 российских текстов, посвященных экономическим проблемам. Предметом изучения являются лексические приемы языковой игры. Актуальность настоящей статьи заключается в подходе к языковой игре как инструменту выражения имплицитной оценки. По нашему мнению, автор с помощью игры слов не только делает тексты более привлекательными для потенциального читателя, но и скрыто выражает свое отношение к описываемой теме.

Представители современных лингвистических теорий (например, теории речевых актов, теории текста и др.) утверждают, что смыслы не существуют сами по себе, не являются содержанием слов или предложений и не вытекают из них, а реципиент пытается распознать их, исходя из контекста. Каждый носитель языка интуитивно чувствует и оценивает степень полноты или неполноты информации. Людмила Бабенко утверждает, что „деление языковых значений (смыслов) на скрытые (имплицитные, неявные) и явные (эксплицитные) вызвано прежде всего стремлением подчеркнуть существование языковой возможности выражения смыслов различной степени экспликации” (Babenko 8). Можно говорить о достаточной условности этой дихотомии, о разной проницаемости тех или иных смыслов в высказывании. Из этого следует, что между имплицитными и эксплицитными компонентами семантики текстовых единиц или текстовых фрагментов существует определенная взаимосвязь и взаимодействие, которые обеспечивают так называемую информационную полноту данных частей текста. Имплицитность будем понимать как неявный смысловой оттенок, который участники коммуникативного акта выводят из смысла, выраженного в высказывании, и из полученных знаний и опыта.

Несмотря на то, что языковая игра широко изучается лингвистами уже с прошлого столетия (Людвиг Витгенштейн, Елена Земская, Борис Норман, Гай Кук и др.), в настоящее время не существует единая общепринятая дефиниция этого феномена. В определениях языковой игры ключевыми семантическими компонентами являются намеренное нарушение нормы и комический эффект. Широкую трактовку данного понятия предлагает Владимир Санников: „это некоторая языковая неправильность (или необычность) [...], осознаваемая говорящим (пишущим) и намеренно допускаемая” (Sannikov 23). По его словам, „только намеренная неправильность вызовет не досаду и недоумение, а желание поддержать игру и попытаться вскрыть глубинное намерение автора”. Похожее определение приводит Елена Калечиц: по ее мнению, языковой игрой принято называть „юмор, созданный на преднамеренном использовании различных элементов речи” (Kalečić 32). На намеренное нарушение или отклонение от нормы языка в языковой игре обращает внимание и Ольга Ермачкова,

которая этот феномен определяет как „проявление творческой сущности человека, основанное на сознательном отходе от языковой нормы с целью проведения эксперимента с формой для создания «нового» на современном этапе развития языка” (Iermachkova 30). Итак, в нашей статье под рассматриваемым понятием подразумевается широкий диапазон такого употребления языковых единиц (и не только), который в определенной степени воспринимается как что-то необычное, ненормативное и в итоге образует комический эффект.

Оценочность языковой игры

Михаил Макаров в своей работе пишет, что „человек – это, прежде всего, интерпретирующее существо. [...] усваивает принадлежащий данному социуму универсум общих смыслов, начинает собственную интерпретативную деятельность” (Makarov 53). Точнее говоря, любая деятельность, включая речь, интерпретируется определенным образом на основе общепринятых культурных установок, архетипов, стереотипов и своего собственного мышления, формирующегося с помощью языка. Недаром говорится в русской пословице: „В каждой шутке есть доля правды”. Так и в языковой игре можно найти некоторую реальную оценку автора, посредством которой он способен выразить свою позицию или мнение.

Пронизывающая, по мнению Майи Володиной, „все ярусы публицистических текстов” (Volodina 15) и, как свойство языка, выражающая оценку, оценочность – общая характеристика текстов СМИ. Она проявляется в виде положительного или отрицательного отношения автора к тому, что сказано в тексте, с помощью языковых средств. Другими словами оценочность можно определить как соотнесенность слова с оценкой. Выражение авторского отношения к описываемым фактам является одним из структурных признаков журналистики, а оценочная семантика распространяется на всю журналистскую речь. Под оценкой мы понимаем позицию говорящего по отношению к предмету речи, основанную на ее принятии (положительное отношение) или непринятии (отрицательное отношение).

В основном оценка передается с помощью оценочной лексики: *позитивные перемены, энергичный старт, безответственное заявление, твердая позиция, грязные избирательные технологии* и др. Она может быть выражена различными способами: отбором и расположением в статье информации о каком-либо событии или явлении; изменением последовательности слов; цитированием чьего-либо высказывания; вводными и вставными конструкциями: использованием оценочных прилагательных, образных наименований и т. д. (Adamka 61).

Однако оценка часто выражается косвенно, с помощью различных образных средств, основанных на метафорическом или метонимическом переносе. При этом создаются словесные фразы, способные передать богатое и сложное смысловое содержание в выразительной и экономной форме. Об имплицитности информации в тексте пишет Яна Соколова; по ее мнению, имплицитность – это явление, которое можно охарактеризовать как наличие отсутствующего, в котором центральное место занимает подразумеваемое (Sokolová 33). Виктория Марьянчик подчеркивает, что „понятия имплицитная, скрытая, опосредованная, косвенная оценка имеют общее содержательное ядро: она не имеет прямых вербальных маркеров и интерпретируется на основании аксиологической картины мира адресанта/адресата” (Mar’âncik 102). Иными словами, эксплицитная текстовая информация кодируется в тексте с помощью конструкций и фрагментов с ярко выраженным лексическим наполнением, а имплицитная текстовая информация связана с подтекстом. Для выявления этой информации реципиент опирается на языковые схемы, хранящиеся в его сознании, с помощью которых он соотносит новые языковые знаки со знакомыми и интерпретирует иные смыслы. Их преимущество в следующем: когда человек сталкивается с новыми похожими явлениями внешнего мира, то он не знакомится с их основными характеристиками снова и снова, а сопоставляет их со схемами, хранящимся в его сознании. Роль этих схем заключается в том, что они облегчают вывод суждений о высказанном (Dolník 154–155). В лексических единицах различают собственное, реальное значение и близкое к нему пресуппозиционное значение, которое в равной степени участвует в коммуникативном употреблении слов. Пресуппозиция – это информация, которая не выражается эксплицитно языковыми средствами, а выводится из высказываний при определенных условиях. Соответственно, под пресуппозицией мы понимаем совокупность информации, которая выводится из содержания предложения или из содержания его компонентов (Dolník 266). Базовая оценочная оппозиция – это положительная или отрицательная оценка, первая из которых в экономических текстах чаще всего выражается на лексическом уровне языка. Важно заметить, что позитивная оценка в анализируемых нами текстах встречается реже, чем отрицательная, что, по нашему мнению, отражает текущую сложную ситуацию в экономике.

Языковая игра в экономическом тексте

Уже ранее (Dekanová, Vieriková 2016) говорилось об эстетизации экономической коммуникации посредством использования метафорических наименований, которые постепенно потеряли свою экспрессивность и вошли

в терминологический аппарат экономики (*бычий рынок, голландский аукцион, валютная змея* и т. п.). Благодаря своему „экзотическому” происхождению (в сравнении с такими „привычными” терминами, как *денежная база, двусторонние рынки* и др.) они являются выразительными примерами создания метафорических и метонимических образов, посредством которых можно скрыто выразить свое мнение относительно проблематики. Так, в статье словацкого журнала о неортодоксальном американском инвесторе, который вновь шокировал общественность своими последними инвестициями, находим следующий пример: *Najznámejší akciový medveď si vyšiel na Wall Street na nákupe* [Самый известный биржевой медведь отправился за покупками на Уолл-стрит]¹ (Choma, электронный ресурс). Оценка реализуется с помощью словосочетания *vyšť si na nákupe*, которое описывает повседневное, обычное дело, но употребляется с определенной долей иронии, так как „покупки” этого инвестора всегда вызывают противоречие и несогласие крупных игроков на мировом экономическом рынке. Однако это именно тот контекст, без знания которого невозможно правильно интерпретировать данную игру слов. Аналогичным примером служит заголовок статьи *Биткойн не оседлал быка* (Kulíkova, электронный ресурс), в которой говорится о том, что первая криптовалюта достигла максимума, но не смогла сохранить рост. В данном случае, по нашему мнению, автор статьи, используя словосочетание *оседлать быка* по образцу фразеологизма *оседлать Пегаса*, намекает на то, что биткойн не может рассчитывать на повышение своей стоимости; быками в экономическом сленге называют спекулянтов, скупающих или сохраняющих ранее купленные товары или ценные бумаги в ожидании повышения цен (*Bol'shoj èkonomičeskij slovar'*, электронный ресурс).

Интересный пример языковой игры наблюдаем в случаях, когда части терминологических словосочетаний подвергаются трансформации и возникают окказиональные псевдотермины: *Čína a Rusko budujú priateľstvo s ručením obmedzeným* [Китай и Россия строят дружбу с ограниченной ответственностью] (Mikulík, *Čína a Rusko budujú*, электронный ресурс). С помощью замены первого компонента термина *spoločnosť s ručením obmedzeným* или *s.r.o.* (русский аналог – общество с ограниченной ответственностью, ООО) получается словосочетание *дружба с ограниченной ответственностью*. Это говорит о негативной оценке возникшей дружбы между двумя крупными мировыми экономическими игроками, которая осуществляется в условиях, когда ни одно государство не готово в чем-то уступать другому.

Одним из распространенных лексических приемов языковой игры, с помощью которого автор может выразить свою оценку, является транс-

¹ Здесь и далее перевод наш – Л.В.

формация паремий и афоризмов. В исследуемом материале такие примеры языковой игры встречаются прежде всего в текстах на русском языке. В большинстве случаев речь идет о трансформированных пословицах и поговорках или афоризмах, употребляемых как в заголовках, так и в текстах статей. Об использовании паремий, афоризмов и фразеологизмов пишет Калечиц; по ее мнению, с их помощью „автор журналистских статей сразу способен выразить свою позицию к описываемому событию или факту” (Kalešić 198). Так, в статье журнала „Коммерсантъ Деньги” находим заголовок *Дивиденд платежом красен* (Eviškin 1, электронный ресурс), являющийся трансформацией пословицы *Долг платежом красен*. Новая экономическая обстановка на мировых рынках сказалась на финансовых результатах российских фирм и повлияла на их способность выплачивать дивиденды акционерам. Автор, используя пословицу, с одной стороны, привлекает внимание читателя, а с другой – говорит о том, что долги оплачивать должны все, хотя в настоящей экономической ситуации это непросто. Отрицательная оценка выражена в статье о нелегком положении самозанятых лиц в России и попытках властей „решить” эту проблему, вводя запреты, устанавливая разные „определенные правила” и заставляя самозанятых прекратить свою деятельность. В конце статьи автор использует трансформированный афоризм *Нет самозанятых – нет проблемы*. Высказывание *Нет человека – нет проблемы* стала символом сталинских репрессий, хотя прямых сведений относительно авторства нет (Solahân, электронный ресурс).

Аналогично в словацкой статье находим трансформированную пословицу *Čo si kto zaseje, to si aj zožne. A niekedy zožne aj to, čo zaseje ECB* [Что посеет человек, то и пожнет. А иногда он пожинает и то, что посеял ЕЦБ] (Ižip, *Čo si kto zaseje*, электронный ресурс), которая также широко используется носителями русского языка: *Что посеешь, то и пожнешь*. Интересно, что в этом заголовке находится и оригинальная пословица, и ее трансформированный вариант. По нашему мнению, с помощью иронии усиливается эмоциональность и выражается негативная оценка.

Ярким примером языковой игры, основанной на трансформации известного афоризма, является заголовок словацкой статьи *Čoraz viac ľudí stojí pred priam shakespearovskou otázkou: Byť či nebyť?* [Все больше и больше людей сталкиваются с шекспировским вопросом: квартира или не квартира] (Ižip, *Predajcovia aj nákupcovia*, электронный ресурс), в которой говорится о проблемах высоких процентных ставок и дорогих ипотеках. Автор обыгрывает цитату, удаляя диакритический знак (*byť* – существовать, *byt* – квартира), в результате чего слова становятся почти полными омоформами и приобретают совсем другое значение: вместо того, чтобы задумываться о целесообразности нашего существования, люди думают, стоит ли покупать недвижимость.

В заголовке словацкой статьи *Sedem statočných táh index S&P 500 nahor, bez nich by boli akcie na nule* [Великолепная семерка тянет индекс S&P 500 вверх, без них акции были бы на нуле] (Mikulík, *Sedem statočných táh*, электронный ресурс) находим аллюзию на название классического американского вестерна 1960 года. В словацком языке словосочетание *sedem statočných* уже приобрело статус устойчивого выражения (иногда числительное при необходимости заменяется другим), часто употребляемого журналистами именно в ироническом значении.

Интересным примером экспрессивности в российских текстах, посвященных экономическому кризису, является использование целого абзаца 29-й главы из *Мастера и Маргариты* Булгакова:

- Верите ли, мессир... – задушевым голосом начал Бегемот.
 - Нет, не верю, – коротко ответил Воланд.
 - Мессир, клянусь, я делал героические попытки спасти все, что было можно, и вот все, что удалось отстоять.
 - Ты лучше скажи, отчего Грибоедов загорелся? – спросил Воланд.
- Оба, и Коровьев и Бегемот, развели руками, подняли глаза к небу, а Бегемот вскричал:
- Не постигаю! Сидели мирно, совершенно тихо, закусывали... (Losev, электронный ресурс).

С помощью фантастической атмосферы романа (Muránska 91) автор статьи с определенной долей иронии пытается проиллюстрировать неожиданность банкротства сразу трех банков США, которое стало крупнейшим после кризиса 2008 года и привело к разрушению не только американского рынка, но и мирового. Нужно отметить, что подобные приемы в словацких СМИ полностью отсутствуют.

Более интенсивная демократизация языка привела к тому, что в современных газетных статьях часто используется жаргонная лексика. По мнению Григория Солганика, „это естественный и закономерный процесс демократизации языка газеты, а посредством газеты – и литературного языка в целом. Расширяется лексикон, появляются новые средства выражения” (Solganik 475). Жаргонизмы включаются в текст, по нашему мнению, с целью иронического описания ситуации, что в конечном итоге позволяет повысить экспрессивность текста и выразить авторскую позицию. Подтверждение данной мысли можно найти и в научной литературе: „Разговорная лексика выступает как «законное» средство экспрессивизации газетного текста (его оценочности, «интимизации», усиления эмоциональности и т. д.)” (Skovorodnikov, Korpina 522). В современной журналистике используются разговорно-просторечные конструкции и слова, которые типичны для разговорной речи:

Пока мы обнимались со своими **корогазами**, рассуждая о стоимости батарей и **потребном** количестве специальных зарядных станций, товарищи из КНР приделали к себе по электромотору и **укатили** в будущее. Китайцы нарастили объемы, накопили опыт, **обросли жирком** [...] [выделено нами – Л.В.] (Zinov'ev, электронный ресурс).

Нельзя не отметить, что такой способ выражения оценки свойственен преимущественно российским текстам, так как в словацких экономических текстах такого вида отклонения от норм литературного языка почти не были выявлены. В заголовке словацкого журнала отмечаем сленговое слово *keš* (из английского *cash*) в статье *Politici tlačia do ústavy právo na keš* [Политики проталкивают право на кеш в конституцию] (Тона, электронный ресурс) и несколько раз в тексте статьи. Например, *Trňom v oku víťaza posledných parlamentných volieb bola „doba kešu“*; *Ten zakazuje podnikateľom realizovať v keši platby za viac ako 5-tisíc eur* [Бельмом на глазу победителя последних парламентских выборов стала „эра кеш“; она запрещает предпринимателям осуществлять платежи на сумму более 5 тысяч евро в кеш] (Тона, электронный ресурс). В этом случае сленговое выражение автор использовал с целью не только заинтриговать читателя, но и подчеркнуть незаконность торговли с использованием наличных средств, поскольку таким образом можно избежать оплаты налогов.

По мнению Даримы Эрдынеевой, „в повседневной речи часто употребляется аномальное присоединение градуируемых прилагательных или наречий к словам, не предполагающим градуирование: *самый прекрасный* (прекрасный уже в своей семантике содержит значение «очень красивый», «очень хороший»); *немножко беременна* (беременность исключает степень сравнения, это состояние женщины в период развития в организме плода человека)“ (Erdyneeva 2013, электронный ресурс). Случаи логически несогласованных слов и аномальных словосочетаний наблюдаем и в исследуемом материале. Эта неправильность осуществляется в результате несовместимости семантических признаков слов, входящих в состав словосочетания, вследствие чего образовывается неожиданный контекст. Например, в словацкой статье о состоянии европейских банков находим словосочетание *koketovať s krachom* [флиртовать с банкротством] (Ižip, *Európske banky sú silné a zdravé*, электронный ресурс). Такого рода сочетание слов уже при первом прочтении воспринимается как необычное и экспрессивное. Так, в словацком толковом словаре выделяются следующие значения слова *koketovať*:

1. (obyč. o ženách) nápadne sa správať s cieľom vzbudiť pozornosť, obdiv: *koketovať s mužmi*;
2. expr. nezáväzne sa zaoberať, pohrávať sa: *koketovať s myšlienkou na výhru* [1. (о женщинах) вести себя заметно, чтобы привлечь внимание, вызвать восхищение: *флиртовать с мужчинами*; 2. экспр. быть озабоченным чем-то без настоящего интереса, симулировать интерес к этому: *играть с идеей победы*] (*Slovníkový portál Jazykovedného ústavu E. Štúra SAV*, электронный ресурс).

В Словацком национальном корпусе анализируемое словосочетание отсутствует, а глагол *koketovať* в его экспрессивном, переносном значении наиболее часто встречается в словосочетании *koketovať s myšlienkou* [играть с идеей] (*Slovenský národný korpus*, электронный ресурс), которое в отличие от вышеприведенного примера имеет позитивное значение. Следующим примером может быть заголовок *Mýtus lepkavej inflácie* [Миф о липкой инфляции] подраздела словацкой статьи (*Ižip, Skutočne môžeme pokojne spať?*, электронный ресурс). Согласно толковому словарю словацкого языка, прилагательное *lepkavý* имеет значения:

1. ktorý sa pri dotyku neželane lepí, prichytáva na niečo, spája sa s niečím; 2. expr. vzbudzujúci odpor svojou dotieravosťou, obťažujúci, slizký. [1. который прилипает к чему-либо при прикосновении, прикрепляется к чему-либо, соединяется с чем-либо; 2. экспр. отвратительный в своей навязчивости, надоедливый, склизкий] (*Slovníkový portál Jazykovedného ústavu L. Štúra*, электронный ресурс).

Со словом *inflácia* традиционно сочетаются такие прилагательные, как *vysoká, medziročná, priemerná* [высокая, годовая, средняя] и т. п. В приведенном выше примере необычным является словосочетание с прилагательным *lepkavý*, которое употребляется с именем существительным *inflácia* в переносном значении „постоянно преследующий”. Аналогичной иллюстрацией игры слов представляется словосочетание *токсичный доллар* (*Prednovogodnee umirotvorenie*, электронный ресурс), в котором прилагательное *токсичный* имеет значение его паронима – *токсический* – „ядовитый, отравляющий, являющийся токсином” (*Višňáková*, электронный ресурс). Им обычно определяются разного рода вещества, способные вызвать отравление, и т. п. В условиях сложившейся экономической и политической ситуации токсическими называются валюты западных стран мира, поскольку российские банки находятся под европейскими и американскими санкциями, и поэтому подобные словосочетания все чаще встречаются в СМИ: „...санкции со стороны Запада превзошли все ожидания, превратив ценные бумаги российских эмитентов в «токсичные»” (*Eviškin, Na sankciách zarabovali amerikancu*, электронный ресурс). С другой стороны, в мире экономических понятий это словосочетание не является настолько „неожиданным”, так как в экономической терминологии долгое время используется термин *токсичные активы* (калька с английского словосочетания *toxic assets*, в словацком языке – *toxické aktíva*), обозначающий неликвидный актив, то есть для которого нет рынка сбыта (*Toksičnýj aktiv – čo èto takoe, opredelenie iponátie*, электронный ресурс). Следующим ярким примером нарушения семантической сочетаемости слов является словосочетание *недружественные валюты* (в статье прилагательное выделяется кавычками), встречающееся в статье

Культуры нового времени (Butrin, электронный ресурс), в которой дается явная оценка отношения „дружественных” и „недружественных” стран. Посредством нарушения сочетаемости слов выражается отрицательная оценка описываемых событий.

Интересный пример языковой игры встречается в словацком журнале „Тренд” в заголовке статьи *Lakomstvovláčia: Ako sa z komoditného šoku stala inflácia ťahaná firemnými ziskami* [Жаднофляция: как товарный шок превратился в инфляцию, вызванную корпоративными прибылями] (Ižip, *Lakomstvovláčia*, электронный ресурс). Окказионализм возникает при сложении слов *lakomstvo* [жадность] и *inflácia* [инфляция], путем присоединения к первому слову части второго. Нужно подчеркнуть, что словообразовательная языковая игра в словацких СМИ встречается намного реже, чем в российских публикациях, но в последнее время становится все более популярной у словацких журналистов. С помощью названного окказионализма выражается негативное отношение к происходящим процессам на рынке с продовольственными товарами, которые оказываются малодоступными для обычных граждан ввиду роста цен на продукты питания. Однако продолжающееся 12-месячное снижение цен на сырьевые товары во всем мире показывает, что с ростом инфляции происходит что-то странное.

Кратко о картинках

В проанализированных текстах весьма часто отрицательная оценка выражается посредством визуальной составляющей текста. Поскольку все рассматриваемые публицистические тексты являются креолизованными, то, кроме вербальной части, содержат иллюстрации и другие невербальные элементы.

Именно с помощью разных картинок, рисунков, карикатур, которые часто содержат скрытый смысл, автор подчеркивает свое мнение, оценку. Хотя эти невербальные средства выражения оценки не являются главным предметом исследования в нашей статье, все же приведем несколько таких примеров. Яркое доказательство вышесказанному находится в статье журнала „Тренд” о борьбе с инфляцией путем повышения налоговых ставок (Ižip, *Záťažový test*, электронный ресурс). В тексте упоминается глава Национального банка Словакии Петер Кажимир и председатель Европейского центрального банка Кристин Лагард. На карикатуре (Ižip, *Záťažový test*, электронный ресурс) изображены эти два персонажа: один из них из последних сил держится за ветряную мельницу (по нашему мнению, она представляет собой нестабильную экономику в регионе), а другой сидит на лошади с копьем в руке, готовый сразиться с повышающейся инфляцией, как настоя-

щий Дон Кихот – герой известного романа Мигеля де Сервантеса. Картинка, находящаяся в начале статьи, имплицитно выражает мнение автора и сразу привлекает внимание адресата, побуждая его дальше читать о напрасной борьбе с обесцениванием денег посредством повышения налоговых ставок, которая до сих пор не была успешной. Похожий пример находим и в статье журнала „Коммерсантъ Деньги” (Palaeva, электронный ресурс). На картинке видим птицу, держащую в клюве дождевого червя, тело которого изображено в виде символа американского доллара. В статье говорится о повышении ставок Федеральной резервной системой США, а также об их влиянии на российский долговой рынок. Ситуация не критична, поэтому при долгом и внимательном поиске можно найти благоприятные возможности для инвестиций, а российские инвесторы вопреки всему продолжают зарабатывать деньги. При сравнении приведенных примеров видно, что картинка в словацкой статье, содержащая в себе аллюзию на известный роман и фразеологизм, отличается значительной долей иронии и сарказма. Именно ирония присуща современным экономическим текстам, что, по мнению Владимира Санникова, „дает возможность обойти цензуру культуры и позволяет говорящему нарушать важный принцип речевого общения – принцип вежливости, а также маскирует и затушевывает невежливость” (Sannikov 30).

Заключение

Журналистские тексты иногда не бывают абсолютно объективными, поскольку содержат определенную оценку описываемых фактов или событий, а значит, читатель получает информацию в трансформированном виде, то есть преобразованную в соответствии с авторским отношением к описываемой проблеме. Стоит подчеркнуть, что современные тексты СМИ, в том числе и по экономической тематике, отличаются экспрессивностью, которая достигается и с помощью языковой игры. Языковая игра в них выполняет несколько функций: в дополнение эстетической функции позволяет высказать автору свою позицию (оценочная и экспрессивная функции) и собственное мнение относительно описываемой проблематики. Таким образом, языковая игра представляет собой выразительное оценочное средство. Она реализуется с помощью метафоры, трансформации паремий и афоризмов, аллюзии, иронии, а также употребления разговорной и сленговой лексики, „аномальных” словосочетаний и окказионализмов, зафиксированных в тексте. В большинстве случаев оценка автора является негативной, что отражает неутешительное состояние мировой экономики. Современные СМИ все чаще используют лингвистические приемы тонкого и неявного воздействия

на массовое сознание читателей. Для незаметного навязывания публике ценностей, предпочтений, ориентаций, мнений и т. д. широко и эффективно используются лингвистические средства, в том числе и языковая игра.

Библиография

- Adamka, Pavol. *Ruská publicistika. Jazyk*. Nitra, Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 2011.
- Babenko, Ljudmila. „Interpretaciã kategorizacii mira v ideografičeskom slovare kak sposob vyãvleniã skrytyh smyslov”. *Semantiko-diskursivnye issledovaniã âzyka: Èksplicitnost'/implicitnost' vyraženiã smyslov*. Red. Svetlana Vulina. Kaliningrad, Izdatel'stvo RGU im. I. Kanta, 2006, s. 8–21.
- Bol'soj èkonomičeskij slovar'*. Web. 29.05.2023. <https://rus-big-economic-dict.slovaronline.com/search?s=%D0%B1%D1%8B%FD0%BA>.
- Dekanová, Eva, Lucia Vieriková. „Aestheticization of professional economic communication (on figurativeness, polycoding and creolization in economic journalism)”. *Ecoetra.com: Scientific eJournal*, 2, 2016, s. 178–190.
- Dolník, Juraj. *Všeobecnã lingvistika: Sémantika a pragmatika*. Bratislava, Filozofická fakulta Univerzity Komenského, 1993.
- Èrdyneeva, Darima. „Âzykovaã igra v diskurse SMI”. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniã*, 3, 2013. Web. 30.05.2023. <https://science-education.ru/ru/article/view?id=9395>.
- Iermachkova, Olga. *Jazyková hra a text*. Nitra, Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 2017.
- Kalečic, Elena. *Frazeologizmy „v dejstvii”*: *semantiko-pragmatičeskij aspekt*. Minsk, Kolograd, 2020.
- Makarov, Mihail. *Osnovy teorii diskursa*. Moskva, Gnozis, 2003.
- Mar'ãničik, Viktoriã. „Ocenka kak kategoriã teksta”. *Vestnik Severnogo (Arktičeskogo) federal'nogo universiteta. Seriã „Gumanitarnye i social'nye nauki”*, 1, 2011, s. 100–103. Web. 15.06.2023. otsenka-kak-kategoriya-teksta.pdf.
- Murãnska, Natãlia. *Romãn Michaila Bulgakova Majster a Margaréta*. Nitra, Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 2005.
- Sannikov, Vladimir. *Russkij âzyk v zerkale âzykovoj igry*. Moskva, Âzyki slavãnskoj kul'tury, 2002. Web. 07.06.2023. https://vk.com/doc404189722_533455488?hash=5vEeg7Ps7zHwwvTUKnzQgb6cvfYWGolHCzXzm2qwsX.
- Skovorodnikov, Aleksandr, Galina Kopnina. „Èkspressivnye sredstva v âzyke sovremennoj gazety: tendencii i ih kul'turno-rečevaã ocenka”. *Âzyk sredstv massovoj informacii*. Red. Majã Volodina. Moskva, Akademičeskij Proekt, Al'ma Mater, 2008, s. 521–539.
- Slovenský národný korpus*. Web 29.05.2023. <https://tinyurl.com/y6888df8>.
- Slovníkový portál Jazykovedného ústavu L. Štúra SAV*. Web. 24.05.2023. <https://tinyurl.com/442xjyxz>.
- Sokolová, Jana. *Tri aspekty verbálneho textu*. Nitra, FF UKF, 2012.
- Solahãn, Pavel. *Govoril li Stalin: „Net čeloveka – net problemy”?* Web. 24.05.2023. <https://provero.media/blog/2021/04/05/govoril-li-stalin-net-cheloveka-net-problemy/>.
- Solganik, Grigorij. „O âzyke i stile gazety”. *Âzyk sredstv massovoj informacii*. Red. Majã Volodina. Moskva, Akademičeskij Proekt, Al'ma Mater, 2008, s. 471–478.
- Volodina, Majã. „Âzyk SMI – osnovnoe sredstvo vozdejstviã na massovoe soznanie”. *Âzyk SMI kak ob'ekt meždisciplinarnogo issledovaniã*. Red. Majã Volodina. Moskva, MGU, 2003, s. 9–31.

Источники текстов

- Butrin, Dmitrij. *Kupûry novogo vremeni*. Web. 24.04.2023. <https://www.kommersant.ru/doc/5707151>.
- Choma, Cyril. *Stávky na akcioúv neistotu. Najznámejší akcioúv medveď si vyšiel na Wall Street na nákupe*. Web. 17.05.2023. <https://www.trend.sk/financie/stavky-akciovu-neistotu-najznamejsi-akciovy-medved-vysiel-wall-street-nakupy>.
- Eviškin, Ivan. *Dividend platežom krasen*. Web. 23.05.2023. <https://www.kommersant.ru/doc/5873288>.
- Eviškin, Ivan. *Na sankciáh zarabotali amerikancy*. Web. 01.06.2023. <https://www.kommersant.ru/doc/5719369>.
- Ižip, Ronald. *Čo si kto zaseje, to si aj zožne. A niekedy zožne aj to, čo zaseje ECB*. Web. 24.09.2022. <https://tinyurl.com/mr29dyx7>.
- Ižip, Ronald. *Európske banky sú silné a zdravé. Napriek tomu ich akcie nikto nechce*. Web. 26.05.2023. <https://tinyurl.com/2z7m4zth>.
- Ižip, Ronald. *Lakomstvovlácia: Ako sa z komoditného šoku stala inflácia ťahaná firemnými ziskami*. Web. 17.05.2023. <https://tinyurl.com/4s6kaw5j>.
- Ižip, Ronald. *Predajcovia aj nákupcovia realít vyčkáujú. Kedy sa rozhybe trh nehnuteľností?*. Web. 15.03.2023. <https://tinyurl.com/43zwxr9n>.
- Ižip, Ronald. *Skutočne môžeme pokojne spať? Tri vtipy o ekonómoch a tri ich najväčšie mýty súčasnosti*. Web. 26.05.2023. <https://www.trend.sk/nazory-a-komentare/skutočne-mozeme-pokojne-spať-tri-vtipy-ekonomoch-tri-ich-najvacsie-myty-sucasnosti>.
- Ižip, Ronald. *Záťažový test pre ECB: boj s infláciou na úkor finančnej stability*. Web. 27.04.2023. <https://www.trend.sk/trend-archiv/zatazovy-test-pre-ecb-boj-inflaciou-ukor-financnej-stability>.
- Kulikova, Kseniá. *Bitkojn ne osedlal „byka“*. Web. 22.08.2022. <https://www.kommersant.ru/doc/5524143?query=%D0%B1%D1%8B%D1%87%D0%B8%D0%B9>.
- Losev, Aleksandr. *Krizis sovremennogo tipa*. Web. 23.03.2023. <https://www.kommersant.ru/doc/5873280>.
- Mikulík, Tomáš. *Čína a Rusko budujú priateľstvo s ručením obmedzeným. Šéfom ale môže byť len jeden*. Web. 25.03.2023. <https://tinyurl.com/3vd3492m>.
- Mikulík, Tomáš. *Sedem statočných ťahá index S&P 500 nahor, bez nich by boli akcie na nule*. Web. 9.06.2023. <https://tinyurl.com/24rcchsh>.
- Palaeva, Tat'ána. *Vozvrátenie čiernyh lebedej*. Web. 29.05.2023. <https://catalog-n.com/kommersant-dengi-26-2022#kommersant-dengi-26-2022-16>.
- Prednovogodnee umirotvorenie*. Web. 29.05.2023. <https://www.kommersant.ru/doc/5719346>.
- Toksičnyj aktiv – čo èto takoe, opredelenie iponátie*. Web. 29.05.2023. <https://ru.economy-pedia.com/11032985-toxic-active>.
- Toma, Branislav. *Papierové peniaze porážajú bezhotovostné platby. Politici tlačia do ústavy právo na keš*. Web. 28.03.2023. <https://www.trend.sk/ekonomika/papierove-peniaze-porazaju-bezhotovostne-platby-politici-tlacia-ustavy-pravo-kes>.
- Zinov'ev, Il'á. *Podnebesnoe èlektričestvo*. Web. 07.05.2023. <https://www.kommersant.ru/doc/3273719>.

